

Фойгт Георг

**Возрождение классической древности, или
Первый век гуманизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Г36

Г36 **Георг Ф.**
Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма / Фойгт Георг – М.: Книга по Требованию, 2024. – 550 с.

ISBN 978-5-521-28460-3

ISBN 978-5-521-28460-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

этого самого Филельфо авторъ говорить лишь нѣсколько словъ. Тоже почти слѣдуетъ сказать и объ ухаживаніи гуманистовъ за государями и разными владѣтельными особами. Тутъ опять жестоко достается тому-же Филельфо. Есть нѣсколько смягчающихъ обстоятельствъ въ пользу гуманистовъ. Они были люди болѣею частію бѣдные, рѣшавшіеся поселиться при дворѣ государя или владѣтельнаго лица только послѣ долгаго странствованія по свѣту и упорной борьбы съ разными невзгодами и лишеніями. Исключеній изъ этого встрѣтимъ немного. Грустно, конечно, что даже самъ великій Петрарка не устоялъ противъ искушенія спокойной и привольной жизни при Феррарскомъ дворѣ заискивалъ милости другихъ владѣтельныхъ особъ. Онъ былъ человѣкъ далеко не бѣдный. Другимъ гуманистамъ, его послѣдователямъ, это уже простительнѣе. Только духомъ времени объясняется то странное для насъ ослѣпленіе государей и владѣтельныхъ особъ, что литературныя похвалы поэтовъ и гуманистовъ могутъ даровать имъ безсмертіе и представить ихъ потомству въ свѣтѣ вполне благопріятномъ. Заблужденіе это до такой степени овладѣло умами лицъ высокопоставленныхъ, что его всецѣло раздѣляли даже и такіе умные и образованные люди, какъ король Неаполитанскій Альфонсъ и папа Николай V. Винить ли особенно гуманистовъ въ томъ, что они поддавались на соблазнительную приманку и ради трудно-достижимыхъ благъ жизни писали панегирики людямъ далеко не заслуживавшимъ ихъ.

Примемъ также во вниманіе, что науки въ то время еще мало цѣнились, а въ особенности гуманистическія, только-что получившія право гражданства. Отнесемъ нѣсколько болѣе снисходительно къ слабостямъ и увлеченіямъ дѣятелей новой науки, чѣмъ отнесся авторъ предлагаемой книги. Эти слабости и увлеченія, неизбѣжные спутники каждаго смертнаго, сошли въ могилу вмѣстѣ съ ними, не нанеся вреда потомству, тогда какъ ихъ ученые заслуги легли въ основу дальнѣйшаго развитія человѣчества. Все это мы говоримъ для того, чтобы устранить недоразумѣніе, могущее возникнуть въ умѣ читателей, будто гуманистическія науки породили много особенно вредныхъ стремленій. Тутъ многое, вѣроятно, придется отнести на счетъ среднихъ вѣковъ, культура

которыхъ еще сравнительно мало разработана, какъ справедливо говорить рецензентъ книги г. Фойгта. Обрати авторъ побольше вниманія на послѣднюю, тогда, быть можетъ, гораздо больше можно бы было сказать въ пользу піонеровъ новой науки.

Напрасно также г. Фойгтъ считаетъ такое, дѣйствительно, поражающее своимъ безобразіемъ литературное явленіе, какъ Гермафродитъ, „первымъ плодомъ вѣры въ непогрѣшимость древнихъ“. Неужели кто-нибудь могъ серьезно считать противоестественный порокъ, избранный легкомысленнымъ поэтомъ темою своего произведенія, дѣломъ похвальнымъ?

Все дѣло объясняется просто тѣмъ, что авторъ Гермафродита, какъ человѣкъ, любившій жизнь преимущественно со стороны наслажденій, а не духовныхъ интересовъ, относился весьма легко къ подобнаго рода вопросамъ. Такъ онъ смотрѣлъ и на профессорскую дѣятельность. Если другіе гуманисты хвалили эту книгу, то никакъ не со стороны содержанія, а исключительно со стороны языка.

Намъ остается объяснить нѣсколько терминовъ, встрѣчающихся въ переводѣ: аббревіаторъ — сочинитель папскихъ буллъ и разрѣшеній; камерарій—хранитель драгоценностей и денегъ; близкій человѣкъ (*familiaris*).— совѣтникъ по болѣе важнымъ дѣламъ; прокураторъ — представитель извѣстнаго лица или учрежденія передъ судомъ.

И. П. Рассадинъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Ни одна страна въ Европѣ не была свидѣтельницей столь разнообразныхъ и глубоко-захватывающихъ переворотовъ, какъ Италія. И тотъ величайшій кризисъ, какой только когда-либо испытало человѣчество въ исторіи — распадѣніе античнаго міровладычества и возникновеніе новаго, основаннаго на крови Христа,—должна была особенно смутно и бурно пережить Италія. Тогда ей было предназначено образовать мостъ между древностью и христіанской эпохой. Для послѣдней сохранила она палладій будущности, камень, на которомъ была основана церковь: съ другой стороны, и древность завѣщала ей разнообразныя остатки — наслѣдство большее, чѣмъ можно было бы подумать съ перваго взгляда. Если гдѣ-либо долженъ былъ возродиться античный духъ и вступить въ самыя поры новыхъ организмовъ, то это именно въ Италіи.

Италія сохранила въ наиболѣе чистой и вѣрной формѣ, не смотря на всѣ смѣшенія народовъ, то нарѣчіе, на которомъ древніе Римляне излагали свои мысли. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо космополитскій языкъ Лаціума остался здѣсь, въ этомъ средоточіи церковной и образованной жизни, языкомъ дѣловитости, учености и богослуженія. Извѣстно, далѣе, что единственное въ своемъ родѣ и вмѣстѣ съ владычествомъ надъ народами величайшее твореніе древнихъ Римлянъ,—ихъ право и наука права,—никогда не теряли своего значенія въ Италіи, хотъ и довольно жалко владѣли свое существованіе въ конторахъ нотаріусовъ. Это Римское право постепенно и незамѣтно, такъ же какъ кровь народовъ древняго міра смѣшивалась съ кровью вновь выступающихъ племенъ, то слегка окрашивало, то глубже проникало образъ мыслей послѣднихъ, ихъ общественную и политическую жизнь.

Но и кромѣ этого новое населеніе унаслѣдовало еще массу воспоминаній о геройскомъ поколѣніи Ромула, покорившемъ міръ. Часто существуетъ только памятникъ и стоитъ загадочнымъ привидѣніемъ, какъ это видно изъ средневѣковыхъ сказаній о конной статуѣ Марка Аврелія или о постройкѣ Пантеона. Часто является

темное и смутное представлѣніе, какъ, напримѣръ, о цезарствѣ, когда возстановилъ его Карлъ Великій, или о древней римской республикѣ во время Арнольда Брешианскаго, пытавшагося возсоздать сенатъ, консуловъ и Римскій народъ. Нерѣдко также держалось какое-нибудь установленіе, а никто и не подозрѣвалъ его древняго происхожденія. Таковы: школы грамматиковъ въ городахъ, документальные приемы нотаріусовъ и многое тому подобное въ общественной, домашней и даже церковной жизни. Въ особенности же никогда не могла забыть Италія (и не могъ главнымъ образомъ Римъ), что отсюда былъ когда-то покоренъ и управляемъ цѣлый міръ. Въ поры яменно сильнѣйшаго одичанія старое язычество проявляется вновь какъ демоническій призракъ. Дьяволъ искушаетъ схоластиковъ, какъ, напримѣръ, Вильгарда Равецкаго, заставляя ждать вѣчной славы за преданность Virgilію, Горацию и Ювеналу и съ строптивымъ пренебреженіемъ противостать церкви. Римъ порождаетъ вновь демагоговъ и тирановъ, напоминающихъ Капитолій и прежнее призваніе города къ владычеству, — Альбериха и Крещенціевъ, древнихъ гетеръ въ широкомъ стилѣ, папъ, которые ведутъ жизнь какого-нибудь Геліогабала и клянутся Юпитеромъ и Венерой.

Никто не станетъ отрицать, что Италія въ сущности была колыбелью не только іерархій, но и Германской Имперіи. Она впдѣла ихъ возникновеніе, ихъ мощную борьбу другъ съ другомъ и, наконецъ, ихъ паденіе. Іерархія же и священная Римская имперія навсегда остались проникнуты древне-римскими идеями, придавшими имъ ихъ космополитическое и всемірно-монархическое направленіе. Такъ же точно языкъ, право и церковь Рима приготовили почву для совокупнаго развитія Европы и обхватили народы той духовной связью, исходная точка которой была въ Италіи, въ силу этого ставшей во главѣ Европы.

Съ перваго взгляда на политическую исторію Италіи въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ намъ кажется яснымъ, что полуостровъ сдѣлался совершенно неспособенъ къ выполненію своей великой задачи. По видимому, мы не замѣчаемъ ничего, кромѣ арены всеразрушающихъ и разнузданныхъ страстей. Не сдерживаемая болѣе сильной рукой императора, эти маленькія государства и города пользуются своей свободой только для того, чтобы наперерывъ мучить и губить другъ друга. Безкопечная распря династовъ и узурпаторовъ съ республиками, вѣчная борьба въ послѣднихъ между дворянствомъ и народной партіей, дворянскихъ родовъ и народныхъ властей между собой, разнообразная усобица, все это только способствуетъ довершенію общаго разстройства и безсилія. Полуостровъ мало по малу созрѣвалъ для чужевластия и притомъ даже не одного только господина. Удаленіе куріи изъ Италіи и церковный расколъ под-

точили религиозное единодушіе, и предвѣстники великаго церковнаго разьединенія уже указывали на распаденіе общей вѣры и культа. Какъ могъ бы Римъ остаться алтаремъ космополитской идеи!

Между тѣмъ въ Италіи прозябалъ зародышъ новаго образованія, всходы котораго должны были явиться ближайшимъ образомъ на поприщѣ науки и искусства, и которому было предназначено объединить подъ знаменемъ музъ и науки не только одну Италію, но и весь культурный міръ. Это развитіе выступаетъ теперь на первый планъ, тогда какъ заботы о церковной политикѣ, о войнахъ и революціяхъ мало по малу исчезаютъ. Выскажемъ новую задачу Италіи: возвратить и усвоить христіанскому міру забытую древность Грековъ и Римлянъ, вызвать къ жизни ихъ науку, соединить благоуханіе ихъ искусства съ цвѣтомъ христіанско-романтической жизни, форму и чувственную красоту, какъ наслѣдство классическихъ народовъ, съ духомъ романтики;—вотъ та цѣль, къ которой съ того времени стремились лучшія силы, вотъ на чемъ основано значеніе какого-нибудь Аріосто или Тассо, какого-нибудь Браманте или Палладіо, Ліопардо да Вянчи или Рафаэля Санціо.

Намъ предстоитъ разсмотрѣть здѣсь только одинъ періодъ и одну сторону этого культурно-историческаго процесса, именно возрожденіе классической древности и ея вторженіе въ духовную жизнь прежде всего Италіи. Наша задача далѣе—представить только дѣтскую и юношескую эпоху этихъ стремленій: какъ первая, побуждаемая желаніемъ подражанія, усваиваетъ себѣ и учится, а послѣдняя пользуется, горячо примѣняетъ и дерзко злоупотребляетъ пріобрѣтенными силами и знаніями. Поэтому наше вниманіе привлекутъ зарожденіе и ростъ, а не творенія, которыя уже носятъ на себѣ печать зрѣлости и прочности.

Зерномъ этого развитія считали съ давнихъ поръ воспринятіе въ духовный строй чисто-человѣческаго элемента, того, что такъ рѣзко отличало Грековъ и Римлянъ стараго времени—гуманизма—въ противоположность возрѣніямъ христіанства и церкви.

Слѣдовательно, это былъ процессъ возобновленія. Но абсолютно новыя идеи не вступили въ исторію, а были вновь приняты тѣ мысли, которыя когда-то, въ отдаленномъ прошломъ, были изложены въ литературныхъ произведеніяхъ. И возстаютъ эти мысли не какъ что-то невѣдомое и совершенно новое, но приносятся только болѣе полнымъ и неодолимымъ потокомъ. Античный міръ переживалъ подобныя же явленія, когда напр. Азія подверглась вторженію греческой культуры и литературы или когда воспринялъ ихъ въ свою духовную жизнь Лаціумъ. Какіе и здѣсь вызвалъ перевороты этотъ новый придатокъ, какъ измѣнилъ онъ существующій образъ мыслей и сколь явное направленіе далъ онъ ему!

О классической древности свидѣтельствовали главнымъ образомъ ея литературные памятники; вмѣстѣ съ ними погрузилась она въ зимній сонъ, съ ними же вмѣстѣ должна была пробудиться къ новой веснѣ. Ея исторія, слѣдовательно, примыкаетъ къ исторіи ея литературы. Люди, возвратившіе къ жизни римскихъ и греческихъ авторовъ, справедливо говорили о ея семисотъ-лѣтнемъ снѣ. Они рассчитали вѣрно: вмѣстѣ съ римской имперіей мало по малу исчезла и склонность къ римской литературѣ; въ VII столѣтіи ея не было и слѣда. Но все же нельзя безусловно полагаться на ихъ слова: находясь въ самомъ огнѣ, они не замѣтили искръ, тлѣющихъ подъ пепломъ. Наравнѣ съ римскими юридическими сочиненіями не оставалась вполнѣ безъ вниманія и историческая, философская и поэтическая литература Римлянъ; въ тихихъ монастырскихъ кельяхъ всегда почитывали Саллюстія и Ливія, нѣкоторыя сочиненія Цицерона, Сенеки, Виргилія, Лукана, Горация, Овидія, Теренція и Плиція; имена этихъ писателей встрѣчаются въ церковныхъ, схоластическихъ и историческихъ произведеніяхъ того времени. Даже отцы церкви, и тѣ часто ссылались на языческихъ писателей, которымъ по большей части обязаны были своимъ ученымъ образованіемъ. Благодаря ихъ сочиненіямъ, также какъ и позднѣйшимъ церковнымъ компиляторамъ въ родѣ епископа Исидора Севильскаго, нѣкоторыя свѣдѣнія и замѣтки изъ классической древности оставались въ постоянномъ обращеніи. Другія продолжали распространяться, хотъ и въ весьма обезображенномъ видѣ, посредствомъ сказаній, легендъ и вообще поэтическихъ произведеній, какъ напр., темныя преданія о Троянской войнѣ, объ Александрѣ Великомъ, о нѣкоторыхъ римскихъ императорахъ. Боэцій, чья христіанско-философская книга «Утѣшеніе» всегда высоко цѣнилась, своими комментаріями далъ толчекъ если не для изученія, то по крайней мѣрѣ для уваженія аристотелевской философіи. Примѣровъ подобныхъ соприкосновеній съ древностью можно привести тысячи. Наконецъ, у насъ есть рукописныя копія классическихъ писателей, относящіяся ко всѣмъ эпохамъ средневѣковой жизни, что, несомнѣнно, указываетъ на дѣйствительный интересъ къ древней литературѣ.

Если мы станемъ перечислять средневѣковыхъ писателей, болѣе или менѣе близко стоящихъ къ классической литературѣ, то получится длинный рядъ именъ и, между ними, не мало выдающихся. Пожалуй, можно бы было придти къ убѣжденію, что не было вовсе надобности въ особенномъ и бурномъ возрожденіи древности. При дворѣ Карла Великаго съ увлеченіемъ читали латинскихъ поэтовъ и горячо стремились подражать ихъ стихамъ. Съ тѣхъ поръ они никогда не были преданы забвенію. При дворахъ нѣкоторыхъ епископовъ, въ знаменитыхъ монастыряхъ Бенедиктицевъ поэтическое

искусство и мудрость Римлянъ находятъ себѣ новое прибіжище и продолжаютъ свое существованіе въ бібліотекахъ, или же преподаются въ школахъ. Какъ бы дѣтски и неуклюжи ни казались намъ подражанія, во всякомъ случаѣ предъ глазами были хорошіе образцы древнихъ ¹⁾. Эйнгартъ беретъ себѣ въ образецъ Светонія, Видуиндъ—Саллюстія; онъ старается усугубить впечатлѣніе въ античномъ духѣ напыщенными рѣчами, образы и чувства древняго Рима переполняютъ его душу. По видимому, и Адамъ Бременскій, конечно, самый даровитый питомецъ музы Кліо въ средніе вѣка, образовался на Саллюстія. Экегардъ изъ Ауры украшаетъ свои сочиненія изреченіями Цицерона; и у многихъ другихъ языкъ, содержаніе мыслей, а также заимствованія доказываютъ, что имъ не было чуждо чтеніе древнихъ писателей. Извѣстно, съ какимъ рвеніемъ Ратерій Веронскій и Гербертъ собирали и читали древнія сочиненія, даже такихъ поэтовъ, какъ Плавтъ или Теренцій, Персій и Ювеналь. Извѣстно, какимъ богатствомъ свѣдѣній изъ классической литературы обладали Іоаннъ Салисбѣрійскій. Въ своихъ стихахъ онъ старался подражать Овидію, въ прозѣ — Цицерону, а у Квинтиліана искалъ правилъ краснорѣчія ²⁾. Эпическіе поэты не могли себѣ искать образца гдѣ-либо, кромѣ Виргилія или Лукана и Клавдіана. Поэтому они обыкновенно всецѣло предаются древности; какой-нибудь Готье Шатильонскій даже поклоняется богамъ и фатуму, какъ будто онъ выросъ не между христіанъ ³⁾.

Указывали также на пѣсни Вагантовъ и Голіардовъ и видѣли въ нихъ предшественниковъ гуманизма, потому что они смѣло прославляютъ міръ и чувственное наслажденіе, часто заставляютъ появляться языческихъ боговъ и осмѣиваютъ принудительныя начала школы и церкви ⁴⁾. Но въ сердцахъ этихъ непосѣдлыхъ, словно вырвавшихся на волю личностей бьется только юношеская любовь къ жизни и чувственность, а нѣсколько школьныхъ воспоминаній еще не доказываютъ сближенія съ древностью. Изъ такого рода стремленій не можетъ возникнуть прочная и далеко-дѣйствующая сила.

Чѣмъ же были обязаны гуманисты, когда они принялись за свой трудъ, выше-названнымъ поэтамъ, историкамъ и ученымъ? Они на-

¹⁾ Ср. Dümmler, Geschichte des ostfränkischen Reichs Bd. II, Berlin 1865, стр. 652 и слѣд.

²⁾ Schiaarschmidt, Johannes Saresberiensis, Leipz. 1862, стр. 82 и слѣд., гдѣ подробно указаны его знанія.

³⁾ См. Rannenberg Ueber den Ligurinus — въ «Forschungen zur deutschen Geschichte», Bd. XI, Göt., 1871.

⁴⁾ Сначала Бурггартъ, часть 1 стр. 221 и 245, затѣмъ Бартоли въ «I precursori del rinascimento», Флоренція 1877.

когда не видѣли въ нихъ своихъ предшественниковъ. Не количество антикварныхъ свѣдѣній даетъ рѣшающее значеніе, но міровоззрѣніе, преданность древнему міру, страстное стремленіе внести его въ современность и объять всѣми силами своего духа. Достаточно здѣсь вспомнить только, что никто изъ всѣхъ тѣхъ мужей, ни Ратерій, ни Гербертъ, ни Абеляръ, ни Іоаннъ Салисбѣрійскій не знали греческаго языка, даже никогда не высказывали желанія воспользоваться сокровищами греческой литературы, благоговѣнное восхваленіе которыхъ постоянно встрѣчалось у Римлянъ. Гдѣ хоть только тлѣла искра духа гуманизма, она сейчасъ же воспламенялась при имени Гомера.

Вообще же далеко преобладали моменты, враждебные изученію древности. Христіанская вѣра и церковь, выросши въ постоянной борьбѣ съ языческимъ міромъ, еще не знали примиренія съ ней; съ другой стороны, можетъ быть, и едва замѣтно, но все-таки постоянно таилась искра язычества подъ развалинами его храмовъ: оно, и побѣжденное, навсегда осталось страшнымъ врагомъ, благодаря своему свободному, просвѣтленному искусствомъ воззрѣнію на жизнь. Во время его упадка даже прославленнымъ учителямъ церкви, которые прежде сами были софистами или риторамъ, оно кажется чарующей сиреной. Другіе не были въ силахъ вполне отрицать духовную мать, вскормившую ихъ; Василій даже защищалъ ее въ одномъ маленькомъ сочиненіи; Григорій Назіанзинъ, Іеронимъ, Августинъ сохранили къ ней теплое расположеніе. Можетъ быть, приведуť ригоризмъ Григорія Великаго въ доказательство того, съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ были поправы въ его время языческіе поѣты; но именно тотъ фактъ, что Григорій считалъ себя вынужденнымъ энергично противодѣйствовать чтенію ихъ, покажетъ намъ съ другой стороны, что склонность къ этимъ отжившимъ и ихъ чарующая сила далеко не исчезли. Алкуинъ упрекалъ Трирскаго архіепископа за его любовь къ Виргилію, поэту лжи, который отчуждаетъ его отъ Евангелія, хотя его собственный умъ достигъ зрѣлости только благодаря общенію съ Виргиліемъ, Цицерономъ и др. ¹⁾ Аббатъ Вибальдъ Корвейскій, котораго сильно привлекали мысли и красота рѣчи у Цицерона и который собиралъ его сочиненія, былъ сильно озабоченъ, чтобъ не показаться Цицероніанцемъ болѣе, чѣмъ христіаниномъ, и утверждалъ, что при своихъ занятіяхъ считаетъ себя только шпиономъ въ станѣ врага ²⁾. Даже когда борьба

¹⁾ Epist. 216. 243 въ «Moniment. Alcuiniana», изданнымъ Ваттенбахомъ и Дюмизеромъ. Сюда относится Vita Alcuini § 10.

²⁾ Письмо настоятеля Райнвальда Гальдстейнскаго къ Вибальду и его отвѣтъ къ Monim. Corbeiensia ed. Luffé. № 207. 208.

съ остатками язычества дѣйствительно отошла на задній планъ и всеобщее вниманіе было привлечено борьбой римскихъ епископовъ съ императорской властью; затѣмъ, когда во время раскола наука была преимущественно занята ковкой теологическаго и каноническаго оружія, даже и тогда нельзя было отрѣшиться отъ страшнаго ужаса предъ покоренной силой, которая, какъ бы заточенная въ Аду, но все еще живая и готовая отмстить, осталась все-таки грознымъ супостатомъ. Время Грековъ и Римлянъ представлялось ночью, въ продолженіи которой люди обращались съ молитвой къ нечистымъ духамъ; эти же духи, съ которыми нѣкогда покончила христіанская вѣра, все еще продолжали свое чуждое существованіе въ суевѣріи. Нѣтъ, церковь никогда не могла протянуть примиряющую руку древности, пока ея цѣлью было—въ противность свѣтскимъ стремленіямъ,—учредить на землѣ царство Божіе. Она не могла перенести, чтобы умъ съ любовью погружался въ прошедшее, которое ей не принадлежало, чтобы онъ отвратилъ свои взоры отъ царства, обѣщаннаго Іисусомъ въ грядущемъ, и ключи котораго только хранила она одна.

Соотвѣтственно этому церковь, пока въ ней было сильно стремленіе очиститься отъ грѣха и пока ея идеаломъ было религіозное господство, завладѣла для своихъ цѣлей чувствомъ и воображеніемъ народовъ, этими мощными рычагами человѣческихъ дѣлъ. Мышленіе сдерживала она въ подчиненіи и въ оковахъ, благодаря своей приспѣшницѣ—схоластикѣ, и готова была скорѣе подавить чувство прекраснаго, чѣмъ даровать ему питательный матеріалъ, который она могла найти у классическихъ народовъ. Не простой случайностью было то—и на это будетъ часто указываться въ нашей книгѣ,—что только тогда, когда померкло солнце католической церкви, вновь разлился долго затмѣваемый имъ лунный свѣтъ язычества.

Если бы мы искали основной причины не здѣсь, то намъ осталось бы совершенно непонятнымъ то явленіе, какимъ образомъ занятіе отдѣльныхъ личностей классической литературой, нерѣдко встрѣчаемое нами въ средніе вѣка, осталось совершенно безъ послѣдствій для общаго развитія. Древность—міръ, заключенный самъ въ себѣ, и только тому доставляетъ она образующій матеріалъ, кто можетъ понять ее въ такомъ смыслѣ. Ни одна научная отрасль не можетъ процвѣтать, пока будетъ обречена лишь на служеніе другой.

Безспорно, сохраненіемъ классической литературы, насколько именно она сохранилась, мы по преимуществу обязаны монастырской братіи. Цѣлые вѣка ревниво хранила и оберегала она пріобрѣтенія своихъ предшественниковъ и умножала ихъ списками. Но это не было ея призваніемъ; она никогда не посвящала себя всецѣло этой

работѣ. Списываніе книгъ обыкновенно было сухимъ ремесломъ, иногда указываемымъ орденскими правилами, чтобы мирнымъ занятіемъ смягчить грубые нравы или наполнить досуги слабѣйшихъ братьевъ или же чтобы доставить прибытокъ монастырю; — иногда занятіе это только допускалось, иногда же возбранялось вполне. Такимъ образомъ, если въ прославленныхъ монастыряхъ Бенедиктинцевъ, въ Монте-Касино, Клуни, С. Галленскомъ и Фульдскомъ случалось, что наряду съ служебниками, молитвенниками и богословскими сочиненіями переписывались и классическія произведенія, то это происходило или по приказанію настоятеля, или же, можетъ быть, по игривой прихоти самого брата. Но всегда это занятіе оставалось при мертвой буквѣ. Часто случалось также, что знатный настоятель съ соколомъ на рукѣ рыскалъ по полямъ, отправлялся на турниры и придворныя празднества или, бражничая, любовался выходками шутовъ, братья же шатались безъ дѣла или оживляли выпомъ досужные разговоры, — а книги въ это время покрывались пылью и плесневѣли въ самыхъ мрачныхъ и сырыхъ кельяхъ за исключеніемъ, можетъ быть, писцовыхъ книгъ землямъ, на производствѣ которыхъ покоились доходы и прибыль монастыря. Тамъ, можетъ быть, погибло и навсегда осталось потеряннымъ столько же твореній классическихъ авторовъ, сколько съ другой стороны было спасено. Имъ предлагали здѣсь гостепріимство, но никогда не даровали правъ отчизны.

Содержаніе классическихъ книгъ жило въ умахъ такимъ же образомъ, какъ сами онѣ существовали въ монастыряхъ. Пока образованіе вообще, и школьное въ особенности, было исключительно въ рукахъ духовенства, къ античной литературѣ относились съ недобрымъ настроеніемъ. Поэтому кажущійся расцвѣтъ ея во времена Каролинговъ и его отголосокъ въ оттоновскую эпоху остались безъ послѣдствій, равно какъ и сношенія съ Византіей, этимъ архивомъ эллинизма, вызвавшія то тамъ, то сямъ на Западѣ скоропреходящія моды. Недоставало непрерывности стремленій, недоставало дружнаго содѣйствія стремящихся. Понятія большинства не шли дальше того, что латинскій языкъ есть подготовительная ступень къ духовному чину. Его изучали по Донату и его варварскимъ послѣдователямъ, читали нѣкоторые сочиненія Цицерона или какого-нибудь поэта съ тѣмъ, чтобы найти примѣры для правилъ грамматики. Едва ли можно себя представить болѣе плачевное существованіе классическихъ писателей, чѣмъ тогдашнее, предназначенное для пропедевтической подготовки клириковъ или же для вялыхъ, только побочныхъ занятій. Не лучше было имъ и тогда, когда изъ монастыря они были перенесены въ монастырскую школу и затѣмъ въ университеты. И здѣсь они были подчинены главнымъ